

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

К вопросу об источниках Повести временных лет

В той редакции Повести временных лет, которая представлена Ипатьевской и сходными с нею списками летописей, под 6618 (1110) г. мы читаем известное рассуждение летописца о том, что ангелы могут быть и у язычников; рассуждение иллюстрируется рассказом из жизни Александра Македонского, повествующим об его походе на Иерусалим.¹

Приведу этот рассказ полностью по списку Ипатьевской летописи с разночтениями Хлебниковского списка: «Аще ли кто речеть, яко анбела (ангела Хл.) несть у поганых, да слышитъ, яко Олександрѹ Макидоньскому ополчившю на Дарья и пошедшю ему, и победившю (повинувшю Хл.) землю всю от вѣсток и до запад, и побѣ землю Егупетьскую, и побѣ Арама, и приде в островы морьскыя, и врати лице свое взити в Ерусалим, побидити (побити Хл.) жиды, зане же бяху мирни со Дарьемъ. И поиде со вси вои его, и ста на товарищи, и почи. И приспе ночь, и лежа на ложи своемъ посреде шатра, отверз очи свои, видѣ мужа, стояща над нимъ и мечъ наг в руке его; и обличенье (обличие Хл.) меча его, яко молонии. И запряже мечемъ своим на главу цесареву. И ужасеся цесарь велми и рече: „Не бий мене“. И рече ему ангел: „Посла мя бог уимати цесаре великий пред тобою и люди многи. Аз же хожю пред тобою, помагая ти (помогати Хл.). А ныне ведай, яко умерьши, понеже помыслил еси взити в Ерусалим, зло створити ереем божьим и к людем его».

«И рече цесарь: „Молю тя, о господи, отпусти ныне грех раба твоего, аче не любю ти, а ворочюся дому моему“.

«И рече ангел: „Не бойся, иди путем твоим к Иерусалиму, и узриши ту в Ерусалими мужа в обличении моем, и борзо пади на лица своимъ и поклонися мужу тому, и все, еже речеть к тебе, створи. Не преступи речи ему; в онъ же день преступиши речь его, и умерши“.

«И вѣстав цесарь, иде в Ерусалим. И пришед вѣспроси ереев: „Иду ли на Дарья?“.

«И показаша ему книги Данила пророка и рекоша ему: „Ты еси козел, а он овен и потолчеши и возмещи царство его“.

«Се оубо не ангел ли вожаше Олександрѹ? Не поган ли побержаше».²

Этот рассказ летописи, без сомнения, не может быть признан плодом творчества самого летописца. Мы имеем здесь бесспорную выдержку из ка-

¹ Указываемое место летописи относят обычно к так называемой «второй» редакции Повести временных лет (по А. А. Шахматову), т. е. редакции 1118 г., или «третьей» редакции (по мнению М. Приселкова, поддерживаемому в наши дни Д. С. Лихачевым), которая, предположительно, была составлена по почину Мстислава, сына Владимира Мономаха, в 1117 г. переведенного отцом из новгородского княжения в г. Белгород Киевской земли, в непосредственное соседство с киевским столом, в наследники и соправители которого он был предназначен.

² Цитирую по «Повести временных лет по Ипатскому списку» (издание Археографической комиссии 1871 г., фототипическое, стр. 194)

кой-либо версии повествования об Александре Македонском. Произведение это, восходящее к греческому роману эпохи эллинизма, возникшему, по-видимому, в Египте незадолго до начала нашей эры, неправильно надписывалось именем одного из сподвижников македонского завоевателя, Каллисфена.³ Оно было широко распространено в средневековую эпоху на самых различных языках как в западных, так и в восточных литературах во всех странах христианского и мусульманского мира, от Испании и Франции до Средней Азии.⁴

Однако непосредственный источник летописного повествования до сих пор еще не был раскрыт, и вопрос о нем даже и не ставился никем из исследователей, занимавшихся Повестью временных лет.

Роман об Александре, «Александрия», принадлежит к числу произведений, широко представленных и в древнерусской письменности. В. М. Истриным были изучены и изданы четыре древнерусских редакции этого романа.⁵ «Александрия», по всей видимости, была переведена с греческого непосредственно на Руси в Киевскую эпоху.⁶ Однако ни одна из четырех редакций древнерусской «Александрии» не имеет ничего хоть сколько-нибудь похожего на летописный отрывок. Не находим мы ничего сходного и в южнославянских версиях романа об Александре, например в сербской «Александрии».⁷

Эпизод о походе Александра Македонского на Иерусалим содержится лишь в одной, позднейшей редакции греческого текста Псевдокаллисфена (редакция С по Истрину). Там он представляет собою пересказ 8-й главы XI книги «Древностей Иудейских» Иосифа Флавия.

Как было правильно замечено В. М. Истриным, уже древнейшая первая древнерусская редакция «Александрии» заменила эпизод о походе Александра на Иерусалим обширной вставкой из хроники Георгия Амартола. В этой последней иерусалимский поход Александра Македонского излагается в благочестиво христианском духе и соединен со сказанием Епифания Кипрского «О 12 камнях на ризе Иерусалимского первосвященника», включенным еще в «Изборник» Святослава 1073 г. и, вероятно, дважды послужившим основанием для летописного рассказа: во-первых, во вводной его части и, во-вторых, в повествовании о походе Олега на Царьград под 907 г.⁸ Из первой редакции «Александрии» указанная вставка перешла и во все последующие древнерусские редакции и списки.⁹ Таким образом, само собою отпадает предположение о возможном заимствовании летописцем изучаемого нами эпизода из какой-либо русской или вообще славянской «Александрии». Не дают ничего и сопоставления как с греческими, так и с западными версиями романа об Александре.

Наибольшую близость к приведенному летописному рассказу мы встречаем только в одной версии этого романа — в средневековой древнееврейской, которая существовала как в отдельном виде, в так называемой «Книге Александр Макдон», так и в составе второй части всемирно исторической хронографии, приписывавшейся «Иосиппону» или «Иосифу Го-

³ См.: В. В. Струве. У истоков романа об Александре. Сборник «Язык и литература», т. II, в. 2. Л., 1927, стр. 133.

⁴ См.: Е. Э. Бертельс. Роман об Александре. М.—Л., Изд. АН СССР, 1949.

⁵ В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893.

⁶ См.: А. И. Соболевский. Особенности русских переводов до-монгольского периода. СОРЯС, т. XXXVIII, № 9, 1910, стр. 160—180.

⁷ См.: А. Н. Веселовский. К вопросу об источниках сербской Александрии. ЖМНП, 1884, ч. 233, отд. 2, стр. 149—197; ч. 235, отд. 2, стр. 16—18.

⁸ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники. ТОДРЛ, т. IV. Л., 1940, стр. 80.

⁹ В. М. Истрин. Александрия русских хронографов, стр. 123.

риониду», «Иосифу бен Гориону».¹⁰ Для сравнения привожу сделанный мною подстрочный перевод из указанной книги:¹¹

«И вышел Александр из Македонии с войском сильным весьма (букв. «в силе тяжкой весьма»), и пошел против Дария войною. И побил он все народы, которые были в союзе с Дарием. И побил он землю Египетскую (евр. «Мицраим») и землю Эдом, и вышел на берег моря, и побил Акко и Аскалон, и Газу. И вознамерился он (букв. «положил лицо свое») пойти на Иерусалим (букв. «подняться на Иерусалим»), чтобы покорить его, так как он был в союзе с Дарием. И вышел он из Газы со всем воинством своим, и был на пути в становище своем, он расположился там сам и воинство его.

«И было ночью той, и вот он почил на ложе своем посреди шатра. И увидел он, и вот муж стоит у изголовья его, облеченный в льняную одежду. И меч обнаженный в руке его. И в руке его меч, как сияние молнии, которая блистает в день дождя. И занес он меч свой над головою царя.

«И испугался царь весьма и сказал ему: „Зачем господин мой бьет раба своего?“.

«И ответил он ему: „Послал меня бог, чтобы сломить пред лицом твоим царей великих и могучих и покорить под тебя народы многочисленные. И вот я ангел, идущий пред лицом твоим, чтобы помогать тебе. А теперь знай, что непременно умрешь (букв. «смертью умрешь») ты за то, что замыслил ты идти против Иерусалима, чтобы причинить зло священникам Иахве и народу его“.

«И сказал царь: „Прошу тебя, прости грех рабу твоему. И если это зло в глазах твоих, то я вернусь“.

«И сказал ему муж: „Не бойся! Ибо прощаю тебе грех этот. Быстро иди путем своим к Иерусалиму. И будет, когда ты приблизишься к Иерусалиму, и увидишь мужа, одетого в льняные одежды, каким ты видишь меня. И когда встретишь его, быстро пади на лицо свое на землю перед ним и окажи ему почтение, и все, что он скажет тебе, исполни. И не преступай повеления его, ибо смертью умрешь в день, в который нарушишь речь его...“.

«И сказал священник царю:¹² „По слову Иахве, иди, и сокрушишь (Дария), ибо он предаст его в руки твои“. И принес он (священник) ему книгу Даниила пророка, и прочитал в ней, и показал ему писание, написанное в ней, о баране с выдающимися рогами и о козле, который устремился на барана и низвергнул его на землю.¹³

«И сказал священник царю: „Ты — это козел, а Дарий — баран. Ты низвергнешь его на землю и захватишь царство его!“.

«И укрепил священник сердце царя».

Как видим из сопоставления двух приведенных текстов, летописный рассказ представляет собой несколько сокращенное, но весьма близкое к тексту изложение иерусалимского эпизода романа об Александре именно по «Иосиппону». Заслуживает внимания следующий факт. Из краткого упоминания Иосифа Флавия, вложенного им в уста Александра в качестве объяснения того, почему он оказывает почтение иерусалимскому первосвященнику, о его сновидении еще во время пребывания в Ма-

¹⁰ См.: А. Я. Гаркави. 1) Неизданная версия романа об Александре. СПб 1892, стр. 49 и сл.; 2) Новые данные для истории об Александре. СПб., 1892.

¹¹ Перевожу по изданию: F. Breithaupt. Jossipos sive Josephus ben Gorion. L. II. Gotha et Lipsiae, 1710, с. 6, стр. 84 и сл.

¹² F. Breithaupt. Jossipos sive Josephus ben Gorion, кн. II, гл. VII, стр. 88.

¹³ См.: Кн. Даниила, гл. VIII, ст. 3—8.

кедонии, когда он размышлял о том, идти ли ему походом на Персию, — «Иосиппон» делает драматизированный рассказ, помещая его непосредственно перед посещением Александром Иерусалима. Летопись передает все подробности именно этого выразительного диалога с одинаковым числом реплик ангела и царя.

В рассказе летописца мы встречаем многочисленные следы использования им текста, переведенного непосредственно с еврейского оригинала, что может быть объяснено только тем, что летописец имел в своем распоряжении довольно точный древнерусский перевод еврейского сказания об Александре. Даже в летописной передаче продолжают явственно проступать гебраизмы. Это проявляется прежде всего в использовании особых значений слов, свойственных именно древнееврейскому языку. Так, в летописном рассказе древнерусский глагол «възйти» употреблен для обозначения движения к Иерусалиму, что полностью соответствует семантике глагола **עלה** — «идти вверх», «подниматься», «идти от берега моря вглубь страны», затем специально «идти по направлению к Иерусалиму».¹⁴

Во-вторых, текст летописного повествования насыщен буквальными передачами древнееврейских фразеологических сочетаний. Сюда относятся устойчивые сочетания со словом «лице» (евр. **פני**), например: «врагити лице», «пасти на лице», а также такие, как выражение «преступити речь» (евр. **עבר את פי**) и др. Подобного рода семантические и фразеологические гебраизмы могли бы быть признаны «библеизмами», обычными в языке переводов ветхозаветных книг Библии, поскольку они встречаются и в древнееврейских подлинниках этих произведений и отсюда перешли как в греческий перевод «Септуагинты», так и, уже через него, в старославянские переводы. Однако в данном случае совпадения настолько близки, что мы сможем смело признать эти выражения следом непосредственно древнееврейского оригинала, бывшего под рукою древнерусского переводчика.

Наряду с семантическими и фразеологическими гебраизмами доказательством прямого использования переводчиком именно древнееврейского текста являются и отдельные черты буквализма в передаче древнееврейских синтаксических конструкций. Так, например, «зло створити ереем божьим и к людем его». В данном случае русский предлог «к» соответствует по своей синтаксической функции предлогу **ל** в качестве грамматического показателя датива: **לעמו**. Явлением такого же порядка нужно считать и смещение в русском тексте личных (указательных) и возвратно-притяжательных местоимений, например: «со всеми вои его» вместо «со всеми вои своими». Известно, что древнееврейский притяжательный суффикс третьего лица **ו** соответствует как одному, так и другому русскому значению.

Наряду с указанными буквализмами перевода следует отметить во многих случаях свободную передачу смысла древнееврейских выражений грамматически правильными русскими словосочетаниями, что свидетельствует о стилистической самостоятельности переводчика. Так, фразеологическому сочетанию **רע בעיני** — «зло в очах твоих» соответствует в русском тексте «аче не люблю ти», что совершенно верно и тонко передает не только смысловое содержание, но и эмоциональную оценку древнееврейской идиомы. Тавтологическое сочетание, дважды встречающееся в древнееврейском подлиннике: **מות תמות** — «умирая умрешь», передано древнерус-

¹⁴ Ср. греческий глагол *ἀνελθόντες* с аналогичным значением

ским простым глаголом «умреши». Усилительно-императивная форма редупликации глагола $\text{ךך} - \text{לך}$ переведена простым глаголом «иди».

Отдельные особенности перевода свидетельствуют о том, что перед глазами переводчика находилась древнееврейская рукопись, отличавшаяся от той, которая была положена в основу издания Брейтхаупта, использованного нами. Так, если в последнем мы читаем «земля Эдом» (ארץ אדום) то переводчик, по всей видимости, прочитал ארץ ארם , т. е. «земля Арам», как он и передал в русском тексте, имея в виду Сирию. Начертания букв ך (реш) и ל (далет) настолько близки друг к другу, что переписчики легко могли их смешать, огласовки же в тексте «Иосиппона», как и вообще в небиблейских средневековых текстах, быть не могло. Поэтому мог легко ошибиться и переводчик. Вероятно, в его оригинале было в этом слове так называемое *Scriptio defectiva*. Подобное же смешение мы встречаем и в соответствии сочетания שם פניו — «положил лице свое», т. е. «вознамерился», и русского «врати лице свое». По всей вероятности, в данном случае переводчик читал שם פניו — «повернул лицо свое», т. е. вместо буквы פ (мем) в имевшейся перед ним рукописи была в этом слове буква ב (бет), с которой может быть смешана буква פ (мем) в своем «конечном» начертании; что же касается диакритических знаков под буквой ש (ש шин или ש син), то и таковых, как известно, не употребляли в средневековых рукописях светского содержания. Таким образом, приведенные разночтения древнерусского текста по сравнению с оригиналом могут быть очень хорошо объяснены со стороны палеографии.

Итак, летописный отрывок есть не что иное, как несомненная цитата из древнерусского перевода книги «Иосиппона».

Следует заметить, что отдельные части этого же перевода обнаруживаются в различном объеме в целом ряде памятников древнерусской исторической письменности, однако они никем еще не были определены и опознаны в качестве частей единого целого.

Прежде всего в составе так называемого «Еллинского и Римского летописца», в его второй редакции, имеется особая повесть «О взятии Иерусалима, третья, Титова», которая включает в большей своей части древнерусский перевод VI книги «Иосиппона». Это последнее произведение было чрезвычайно распространено на севере и северо-востоке Руси в период с XV по XVI в.; оно засвидетельствовано десятками списков в трех различных редакциях; оно оказало воздействие на ряд русских оригинальных исторических произведений, как например, сказание о Липицкой битве в Суздальской летописи под 1216 г., сказание о взятии Москвы Тохтамышем в Московском летописном своде 1480 г., даже повесть XVII в. «Об Азовском осадном сидении». Богатой фактами литературной истории этого памятника будет посвящена особая работа автора настоящей статьи.¹⁵

Во-вторых, части древнерусского «Иосиппона» сохранены в так называемых «Трех пленениях Иерусалима» — компилятивном хронографическом произведении, которое мы имеем в составе так называемого Академического хронографа и в подобных ему списках.¹⁶ Здесь мы находим повести

¹⁵ Повесть эта не подвергалась специальному изучению. По всей видимости, она попала в поле зрения научных изысканий акад. В. М. Истрина в последние годы его жизни. В его архиве хранится папка с копиями ряда списков, несколько выписок со словарным материалом, извлеченным им из памятника в сопровождении ряда черновых замечаний (см.: Архив АН СССР, фонд 322/7, № 7).

¹⁶ Рукопись Библиотеки Академии наук СССР № 45.13.4 XV в., а также идентичные с ним по составу Уваровская № 3 (18), находящаяся в Государственном историческом музее в Москве, и Троицко-Сергиевская № 1 (13) — во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина.

о мучении Елеазара и семи братьев, а также о восстании иерея Мататиага (Маттафии) против царя Антиоха.

В. М. Истрин, еще в 1905 г. опубликовавший тексты названных отрывков в своей работе об Академическом хронографе, не мог определить их источника, считая их произведениями новозаветной эпохи на том основании, что в них очень много и часто говорится о воскресении мертвых и что они по стилю напоминают рассказы о христианских мучениках.¹⁷ В действительности оригиналом этих сказаний являются отрывки из III книги «Иосиппона» (первое сказание в главах 6, 7, 8; второе — в главе 12 этой книги). Это, несомненно, отрывки того же перевода, с которым мы встречаемся и в повести «О взятии»; мы легко можем распознать те же стилистические и синтаксические гебраизмы, как бы сквозящие сквозь ткань древнерусского текста, те же приемы перевода, сходные фразеологические сочетания, излюбленные переводчиком. Они близки к разобранным нами выше языковым особенностям летописного отрывка, сохранившего часть перевода II книги. Возможно, что следы той же II книги «Иосиппона» откроются при ближайшем внимательном изучении второй редакции древнерусской «Александрии», текст которой содержит свыше 15 добавлений по сравнению с первой редакцией; В. М. Истрин не смог найти их источников. Эта редакция, как известно, сохранилась в тех же списках «Еллинского и Римского летописца», что и «О взятии Иерусалима».

Таким образом, наличие отрывка из «Иосиппона» в Повести временных лет доказывает существование древнерусского перевода книги «Иосиппона» в полном ее объеме уже в XI—XII вв. Перевод этот, вне всякого сомнения, был сделан именно на Руси и на древнерусский, а не на старославянский литературный язык. Свидетельством тому являются яркие, бросающиеся в глаза восточнославянизмы, пронизывающие собою весь приведенный выше летописный отрывок.

Мы имеем возможность отметить такие характерные явления древнерусской лексики, как «шатер», «товарище» (в смысле «воинский стан», «лагерь»). Типичными следует признать такие фонетические руссизмы, как «ночь», «ворочюся», «аче», «хожю», «вожаше», «молонии» и ряд других. Морфологические особенности тоже специфически древнерусские, например форма винительного падежа множественного числа от существительного с основой на «jo» с флексией «ѣ»: «царѣ». Синтаксис в ряде мест отражает свойства русской народной речи: соединение в одном и том же сложном предложении сочинительной и подчинительной связи — «аче не любю ти, а ворочюся дому своему», «в онъ же днь преступиши речь его, и умерши».

В отличие от окружающих его частей Повести временных лет, содержащих по преимуществу записи о церковных событиях и изложенных церковно-славянским возвышенным слогом, отрывок сразу поражает своим русским народным языковым складом.

Весь отрывок в целом отличается живостью, яркостью, образностью и выразительностью языка. Те же черты народности в языке мы обнаруживаем и в названных выше остальных частях древнерусского «Иосиппона». Это говорит о высоком мастерстве переводчика, отваживавшегося переводить вообще очень трудные для перевода средневековые еврейские тексты светского содержания.

Литературная судьба перевода, сохранившегося не в целом, а лишь в отдельных отрывках, в виде позднейших цитат или в составе компилятивных произведений, не представляет собою чего-либо необычного для

¹⁷ В. М. Истрин. Хронограф Академии наук 45.13.4. Одесса, 1905, стр. 13 и сл.

древнерусской письменности. Аналогичное положение наблюдается, например, и в отношении древнерусского или старославянского перевода хроники Иоанна Малалы. Это чрезвычайно своеобразное произведение византийской литературы, сохранившееся лишь в одном греческом списке, имелось в полном виде в древнерусском переводе, тоже сделанном, по всей вероятности, на Руси и не позже XI в. Однако перевод тоже не дошел до нас в рукописях как целостное произведение: мы имеем разрозненные куски его в составе различных компилятивных древнерусских хронографов. Большая часть текста книг I—X находится в Архивском и в идентичном с его первыми частями Виленском хронографах; фрагменты книг XI—XVIII находятся только в списках «Еллинского и Римского летописца» так называемой первой и второй редакций. Кое-какие отрывки сохранились в особом виде хронографе Софийской библиотеки № 1454, исследованном в свое время В. М. Истриным.¹⁸

Та же Повесть временных лет под 1114 г. помещает отрывок из Хронографа, не совпадающий по объему и содержанию ни с одним из известных нам списков.¹⁹ Наконец, при более внимательном изучении хронографических памятников возникает возможность найти новые отрывки этого перевода, ускользнувшие в свое время от внимательного взгляда такого кропотливого исследователя, каким был В. М. Истрин. Так, в составе IV книги древнерусской «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия по тексту Виленского и Академического хронографов обнаруживаются два, оставшиеся неизвестными В. М. Истрину, отрывка из X книги древнерусского текста Малалы, повествующие о царствовании римского императора Веспасиана.²⁰

Сходная судьба древнерусского «Иосиппона», переведенного на Русь с древнееврейского языка, и древнерусского Малалы, переведенного с греческого, является доказательством того, что о составе древнерусской литературы Киевского периода отнюдь нельзя судить по незначительному числу случайно дошедших до нас современных их созданию списков. Она была, бесспорно, богаче и разнообразнее, чем можно судить только по случайно сохранившимся до наших дней ее осколкам.

При исследовании разбираемого нами летописного отрывка заслуживает еще особого внимания следующее обстоятельство: выше приведенный рассказ Повести временных лет в слегка измененном виде читается также и в тексте «Летописца Переяславля-Суздальского» под тем же 6618 (1110) г., непосредственно после рассказа о явлении света над гробом Феодосия Печерского.²¹

¹⁸ В. М. Истрин. Хроника Малалы. Книга X. Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1913.

¹⁹ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники, стр. 76.

²⁰ Уже С. П. Шестаков в 1894 г. указал на наличие данных отрывков в рукописи Архивского хронографа (см. его статью «О значении славянского перевода хроники Иоанна Малалы для восстановления и исправления ее греческого текста»: Византийский временник, т. I. СПб., 1894, стр. 519, 520). Однако, по-видимому, это указание осталось неизвестным В. М. Истрину, и он не включил их в подготовленное им издание X книги. Возможно, он не сделал это и потому, что, вслед за И. И. Срезневским и другими исследователями, считал, что выдержки из хроники Малалы прекращаются, начиная со II книги «Истории Иудейской войны». При подготовке же к изданию этой последней он брал в основу список ее отдельной редакции, в составе которой вставок из Малалы не обнаруживается.

²¹ Так называемый «Летописец Переяславля-Суздальского», или «Летописец русских царей», — памятник, сохранившийся в списке Архивского хронографа (рукопись бывш. Архива Министрства иностранных дел, № 279/658, ныне находящаяся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве). Первооригинал, как правильно замечено еще первым издателем памятника М. А. Оболенским, был составлен в Переяславле-

Прочитируем его в полном объеме:

«Си ж агглский вид, аггел бо сице является, яко же Макидону явися, спящу ему в шатре, ста над ним, иды мысля Иерусалим взяти. И мечь дръжа мльнииин в руке и надклони над Олександра. И устрашися Олександр велми и рече: „Господи, не убий мене“. И рече аггел: „Посла мя бо уимати цесари великиа пред тобою, и хожю пред тобою и помагаю ти, а ныне ведай, яко глаголеши: „Ерусалим с жиды Дарию мирни, идеши их пленити, и священники потребити, и ты не будеши жив, но умреш“. И рече Александр: „Молюся, господи, отпусти ми грех, а не любо ти война моя, аз ворочюся к дому“. И рече аггел: „Не бойся, иди в Иерусалим, и узриши ту в Иерусалиме мужа в обличье мое, и уборзи пасти на лици своем, и поклонися мужу тому“. И рече: „Иду ли на Дариа?“. Они ж пророка Данила показаша книгу писану: поиди, ты еси козел, а Дарин овен, потолчеши и, и возмеши царство его. И взя две дщери Дариевы, а Дария уби, а своима рукама опрята.

«Реша друзи ему: „Оженися, царю: се 2 дщери Дариєви, възми за ся“. Он же не восхоте их и видети по вся дни, глаголя, несть воин оженивыйся.

«И съгради Олександрию, от Вавилона Перс, и преставися царствовав 12 лет, а 12-ти нача воевати».²²

Обращает на себя внимание сокращенное изложение всего приведенного эпизода в «Переяславском летописце» сравнительно с Повестью временных лет. Замечательно, что прямо от речи ангела в нем совершается непосредственный переход к пересказу и толкованию пророчества. Однако некоторые подробности рассказа, внесенные вновь по сравнению с Повестью временных лет, не случайны, они могут быть объяснены прямым воздействием и на составителя «Переяславского летописца» древнерусского перевода «Иосиппона». Прежде всего, это название Александра «Макидон». Это довольно точная передача эпитета Макдон (מקדון), обычно сопровождающего имя этого царя в древнееврейской литературной традиции; ср. заглавие книги מלכמדר מקדון «Книга Александр Макдон». Из «Иосиппона», весьма вероятно, взято и указание на то, что Александр сам убил и предал погребению Дария. Упоминание об этом находится в XVII главе II книги «Иосиппона» (по изданию Брейтхаупта, стр. 122).

Ограничение царствования Александра лишь 12 годами, как и упоминание о том, что он убил Дария, находит себе параллель в сказании о втором пленении Иерусалима из книги «Плены Иерусалима».²³ Как указано выше, этот текст тоже восходит к III книге «Иосиппона».

Что же касается упоминания об отказе Александра жениться на дочерях Дария, то такого известия в изученных нами редакциях и версиях «Александрии» найти не удалось. Наоборот, в них обычно рассказывается о женитьбе Александра на Роксане, дочери Дария. Впрочем, нет оснований сомневаться в том, что в каком-либо списке древнееврейской версии романа об Александре могло бы найтись и упомянутое дополнение, понравившееся древнерусскому летописцу, ибо оно было в духе представлений о воинской доблести, свойственных русскому феодализму.

Суздальском (Залесском) не позднее 1219 г. (см.: А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники, стр. 18).

²² М. Оболенский. Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века. М., 1851, стр. 52.

²³ Рук. БАН, № 45.13.4, л. 216: «И умре царствовавъ летъ 12 и погребен быст в чести велицѣ». Возможно, источником этого указания служил текст I книги Маккавеев I.

Таким образом, дополнения, внесенные автором «Летописца Переяславля-Суздальского» в рассказ Повести временных лет, свидетельствуют о том, что в эпоху его составления, т. е. в начале XIII в., древнерусский перевод «Иосиппона» был распространен и использовался русскими писателями на северо-востоке, во Владимиро-Суздальском княжестве, где, интересно отметить, почти одновременно, в 30—40-х годах XIII столетия, вероятно, вошло в состав второй редакции Еллинского летописца и сказание «О взятии Иерусалима», восходящее к VI книге того же «Иосиппона». Дополнения, по-видимому, внесены автором «Летописца Переяславля-Суздальского» не из своей фантазии, а на основании использования отождествленного им и находившегося в его распоряжении источника Повести временных лет.

Как известно, по объему передаваемого текста Повести временных лет «Летописец Переяславля-Суздальского» близок к таким спискам, как Лаврентьевская, Радзивилловская или Московско-Академическая летописи, т. е. примыкает к так называемой «Сильвестровской» ее редакции.²⁴ Наличие же в нем рассказа о походе Александра, сохраненного лишь в списках так называемой «Мстиславовой» редакции, заставляет признать, что составитель «Переяславского летописца» либо имел перед собою списки обеих редакций Повести временных лет, либо какой-то другой текст, восходивший, возможно, непосредственно к труду Нестора, помимо сильвестровской переработки последнего. Напрашивается предположение о том, не заменил ли Сильвестр из благочестивых христианских соображений этот показавшийся ему соблазнительным рассказ своими назидательными поучениями об ангелах, которые мы читаем под тем же 1110 г. в Лаврентьевской летописи. Впрочем, этот вопрос требует специального обстоятельного исследования и пока может быть поставлен лишь с максимальной осторожностью.

Приведенные материалы еще раз напоминают о высоком мастерстве русских переводчиков XI в. и позволяют с уверенностью говорить о прекрасном знании ими ряда языков.

²⁴ Первой редакции, по А. А. Шахматову, и второй, по мнению М. Д. Приселкова. Изложение событий в этой редакции обрывается на 1110 г., как раз перед изучаемым нами рассказом о походе Александра. После этого непосредственно следует запись Сильвестра, игумена Выдубицкого монастыря, об его работе над летописью, помеченная 1116 г.